

Внешняя культурная политика Японии и Китая в современном мире

Татьяна Евгеньевна Ломова,

кандидат культурологии, доцент Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

E-mail: lomova_tatyana999@mail.ru

Целью статьи является сравнительный анализ внешней культурной политики Японии и Китая, которые соперничают не только в экономической, но и в данной сфере. Руководство обеих стран придаёт огромное значение культурным аспектам внешней политики, рассматривая культуру как важнейший фактор международного влияния, в значительной степени определяющий роль государства в мире. Внешняя культурная политика Японии и Китая включает в себя несколько направлений: распространение национального языка и образования за рубежом; широкое информирование общественности других стран о своих достижениях; поддержку научных исследований в области японоведения и синологии соответственно; молодёжные, научные и художественные обмены; гуманитарную помощь развивающимся государствам. Несмотря на сходство, стратегии внешней политики Токио и Пекина имеют свою специфику. Внешняя культурная политика Китая является логичным продолжением внутренней культурной политики и основывается на идее культуры как ключевом факторе духовного, социально-экономического и политического развития страны и важнейшем компоненте «совокупной национальной мощи». Национальная (преимущественно традиционная) культура используется как инструмент сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. В отличие от Китая Япония в последние десятилетия делает акцент на популяризации своей современной массовой культуры за рубежом и получении максимальной экономической прибыли от продажи продукции этой индустрии.

Ключевые слова: культурная политика, культурная дипломатия, «мягкая сила», Японский фонд, Институт Конфуция.

Foreign Cultural Policy of Japan and China in the Modern World.

Tat'yana Lomova, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: lomova_tatyana999@mail.ru.

The paper analyses the foreign cultural policy of Japan and China. Nowadays Japan and China are competing not only in the economic but also in cultural sphere. The governments of both countries consider foreign cultural policy the most significant factor of international impact significantly determining the

role of the state in the world. The foreign cultural policy of Japan and China include several aspects: spread of national language and education abroad, dissemination of public information about achievements, support of Japanese Studies and Sinology, youth, scientific and art exchanges, humanitarian aid to developing countries. Despite the similarity, the strategies of foreign cultural policy of Tokyo and Beijing differ. Chinese foreign cultural policy represents the logical continuation of domestic cultural policy and is based on the idea of culture as a key factor of spiritual, socioeconomic and political development of the country and the most important component of “joint national power”. National (mainly traditional) culture is used as a tool for preserving cultural identity in the globalized world. In contrast to China, Japan has lately focused on popularization of its contemporary mass culture abroad and maximum economic profit from selling its production.

Keywords: cultural policy, cultural diplomacy, “soft power”, Japan Foundation, Confucius Institute.

Культурная политика является важным направлением государственной деятельности, оказывающим значительное влияние на состояние культуры в обществе и происходящие в нём культурные процессы. Огромную роль данная политика играет и в международных отношениях. Вызовы современности: неравномерность социально-экономического развития стран мира, процессы глобализации и глокализации, локальные конфликты и войны начала XXI в. — актуализировали проблему изучения культурной политики различных государств, её динамики и влияния на современные международные отношения.

Вопрос разработки единой терминологии в области исследования внешней культурной политики до сих пор остаётся открытым.

В России в официальной дипломатической практике предпочитают говорить о «внешней политике в сфере культуры» или о «политике в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» [12].

В США и Великобритании более популярны термины «культурная дипломатия» и «публичная (общественная) дипломатия».

Во Франции одновременно употребляется целый ряд терминов: «action culturelle exterieure» (внешняя культурная деятельность), «politique culturelle internationale» (международная культурная политика), «diplomatie d'influence» (дипломатия влияния) и др.

В Японии и Китае широкое распространение получила концепция «soft power» американского политолога Дж. Ная. В отличие от японцев, которые, подчёркивая заимствованный характер, пишут это слово катаканой: 「ソフトパワー」, китайцы адаптировали данный термин, что привело к появлению множества вариантов его перевода на китайский: «мягкая сила» (软实力 — жуань шили, 软力量 — жуань лилян); «мягкая мощь» (软权力 — жуань цюаньли); «мягкая власть» (软国力 — жуань голи).

На наш взгляд, «мягкая сила» — это скорее метафора, нежели чётко разработанный научный термин. Говоря о «мягкой силе», обычно подразумевают особые методы, тактики достижения внешнеполитических целей. Считается, что в отличие от «твёрдой силы», которая предполагает принуждение против воли, использование «мягкой силы» нацеливается на продвижение интересов своей страны путём убеждения и привлечения симпатий к ней и основывается на её достижениях. Однако в действительности «мягкая сила» может носить достаточно агрессивный характер. Несмотря на то, что в качестве основной задачи заявляется улучшение образа государства за рубежом, практическое применение «soft power» способно производить обратный эффект. Слишком активное распространение чужой культуры может восприниматься как навязывание, «charm offensive» (Дж. Курлянчик), и вызывать не только раздражение, но и её неприятие из-за страха перед экспансией.

Наряду с «soft power» в китайском научном и политическом лексиконе часто используются термины «публичная дипломатия» (公共外交 — *гун-гун вайцзяо*) и «народная дипломатия» (人民外交 — *жэньминь вайцзяо*, 民间外交 — *миньцзян вайцзяо*), а в Японии — «культурная дипломатия» и «поп-культурная дипломатия».

Мы рассматриваем термины «внешняя культурная политика» и «культурная дипломатия» как синонимы и определяем их как особое направление государственной деятельности, связанное с разработкой и реализацией внешнеполитической стратегии, ориентированной на защиту национальных интересов в международной сфере с помощью культурных инструментов и оформленной в виде государственных программных документов.

В отличие от культурной дипломатии (внешней культурной политики), субъектом которой является государство в лице его официальных представителей, проводниками публичной (общественной) или народной дипломатии выступают неправительственные (общественные) организации, активные граждане и др.

В современном мире, где существует много центров международной власти и влияния, происходят быстрые технологические изменения, реализация внешней культурной политики усложняется. Культура «всё в большей степени становится своеобразным товаром, и многие государства стремятся сделать максимально возможное для его продвижения на мировой рынок, причём соперничество в данной сфере заметно обостряется» [12]. Степень участия страны в глобальных культурных процессах во многом определяет её международный статус. Следовательно, можно говорить о существовании в настоящее время национальных вариантов культурной политики, конкурирующих между собой.

Национальная стратегия внешней культурной политики разрабатывается для достижения определённых целей. Какими бы возвышенными они ни были, всегда будут цели, отличные от них, а возможно, и противоречащие им. Следовательно, в одних случаях внешняя культурная политика

государства может способствовать улучшению взаимопонимания разных наций путём налаживания межкультурного диалога, а в других — создавать зону международной напряжённости.

Предметом нашего анализа стала внешняя культурная политика Японии и Китая. Несмотря на то, что Международный валютный фонд относит Японию к «странам Азии с развитой экономикой», а Китай — к «странам Азии с формирующимся рынком», известный американский финансист Дж. Роджерс прогнозирует ведущую роль КНР в будущем [1]. На протяжении четырёх последних десятилетий Китай демонстрирует устойчивый экономический рост¹, который воспринимается в Японии как угроза национальной безопасности. Однако Токио и Пекин являются соперниками не только в экономике, но и в других сферах.

Территориальная близость двух стран способствовала установлению тесных контактов между ними. Американский исследователь Э. Рейшауэр назвал Японию «дочерью китайской цивилизации» [35, р. 6]. Действительно, в своё время Китай оказал очень сильное влияние на её культуру. Китайский «след» проявляется в иероглифической письменности, религии, искусстве. В VII—VIII вв. Япония по сравнению с Китаем, позиционирующим себя как «Срединное государство», была «культурной провинцией», «варварской периферией».

Образ китайской культуры как эталонной, а значит, достойной подражания, поблёк в глазах японцев с натиском на Китай «северных варваров». Ещё больший цивилизационный разрыв проявился в середине XIX в., когда ставшая на путь модернизации Япония начала рассматривать Китай как устаревшую цивилизацию, которая не в состоянии дать отпор западным державам.

Отношения двух стран включали не только взаимодействие, но и войны. По мнению Дж. Хсиунга, японо-китайские противоречия, чьи истоки восходят к XVI в., не имеют аналогов в летописи международных отношений с точки зрения частоты возникновения конфликтов и масштабов жертв и человеческих страданий, которые они принесли. Ещё более удивительно, что такие взаимоотношения складываются между «культурно и этнически близкими нациями» [25, р. XI].

Одной из причин непонимания между японской и китайской нациями, относящимися к одному культурному ареалу (Северо-Восточная Азия) и имеющими «сильную эмоциональную связь», С.В. Чугров считает «общие культурные ценности, точнее различия в их интерпретации» [19, с. 129].

Хотя понятия «политика» и «культура» универсальны, нет единства в их трактовке. В японском языке основное значение слова «политика» (政治 — *сэйдзи*) — управление государством. Второе значение — согласование различных точек зрения, примирение конфликтующих интересов

¹ В 2006 г. реальный ВВП (GDP) Китая в 13 раз превысил уровень 1978 г. В 2014 г. он составлял 7,4%, тогда как реальный ВВП Японии упал до — 0,1%. См.: [13, р. 57; 23, р. 106].

[45, с. 1321; 46, с. 599]. Примечательно, что первый иероглиф означает управление государством, а второй — спокойствие, мир, управление, лечение. Подобное значение и написание слово «политика» имеет и в китайском языке (政治 — чженчжи) [43, с. 481].

Несмотря на различия трактовки понятия «культура», все исследователи сходятся в том, что она связана с человеком и имеет искусственное происхождение.

Сотрудник Японского фонда Фукусима Акико относит к культуре литературу, кинематограф, музыку, театральное искусство, балет [47, р. 98]. Данная точка зрения широко распространена в официальных кругах Японии. Вместе с тем в словарях японского языка приводятся и другие значения слова «культура» (文化 — *бунка*):

1. Руководство, обучение, убеждение путём просвещения без применения власти и насилия.
2. Продукты человеческого сознания — наука, искусство, нравственность, религия.
3. Создание новых ценностей для повышения уровня человеческой жизни (в этом значении «культура» употребляется как синоним слов «удобный», «модный», «новейший») [46, с. 553].

Ниимура Идзуру в своём словаре приводит также значение английского «culture»: материальные и духовные продукты, произведённые человеком с целью преобразования природы, включающие технологии, науку, искусство, нравственность, религию, политику и т.п. Автор указывает, что «культура» нередко используется как синоним слова «цивилизация», уточняя при этом, что в Германии последнее трактуется как материальная культура, в отличие от культуры, относящейся к духовной, внутренней жизни человека [45, с. 2140].

Японцы осознали роль культуры как инструмента международного влияния ещё в конце XIX в. Первым успехом внешней культурной политики Японии можно считать участие страны в Лондонской (1862 г.) и Парижской (1867 г.) всемирных выставках, когда, по словам поэта В. Брюсова, «японское искусство поработило Европу».

Большое внимание популяризации японской культуры в мире уделялось и в последующие годы. В 1930-е гг. были созданы «Общество ознакомления с мировой культурой» и «Общество международных студенческих обществ». В 1953 г. их деятельность возобновилась под контролем созданного в 1951 г. при МИД Японии Департамента информации и культуры, а с 1964 г. — Отдела культурных мероприятий.

В 1972 г. по инициативе премьер-министра Сато Эйсаку и министра иностранных дел Фукуда Такэо при МИД Японии начал работу Японский фонд международных культурных обменов (Японский фонд), а в 1985 г. в результате реорганизации Департамента информации и культуры при МИД Японии был создан отдельный Департамент культуры и учреждён пост директора по вопросам информации и культуры.

Сменивший в 1972 г. Ф. Такэдо на посту министра иностранных дел Масаёси Охира в своём программном заявлении высказал идею о необходимости «использовать во благо всего мира самобытные сокровища японской культуры» [цит. по: 9, с. 182]. Этому принципа придерживается и руководство современной Японии. На официальном сайте МИД Японии отмечается: «Культура, наряду с политикой и экономикой, является важным направлением в дипломатии Японии, и её роль становится всё более и более важной в последние годы» [28].

Приоритетными для деятельности Японского фонда являются США и КНР. В 2012 г. расходы на американское направление составили 21,27% бюджета организации, а на развитие связей с Китаем было выделено 5,36%. За США и КНР следовали Франция, Южная Корея, Индонезия и Австралия [19, с. 139].

В постсоветский период Япония активизировала свою деятельность в России. По объёму потраченных Японским фондом средств с 1991 по 1994 г. наша страна поднялась с 15-го на 10-е место среди других государств, при этом в 1996 г. на РФ было выделено только 2% (в то время как на США — 18,6%) бюджета организации [6, с. 187, 190]. В 2012 г. Россия находилась уже на 7-м месте по объёму расходов фонда (5,2%) [19, с. 139].

В последние годы Токио уделяет внимание Африканскому континенту. В январе 2014 г. премьер-министр Синдзо Абэ посетил три африканские страны и объявил о выделении Японией 320 млн долл. для гуманитарной помощи Африке [32, р. 157].

Приоритетной задачей Японского фонда является продвижение японского языка и образования в мире. В 2015 г. расходы на этот вид деятельности составили 31% бюджета организации [39, р. 32]. Последовательная политика по распространению японского языка приносит свои плоды. С 1979 по 2012 г. число людей, изучающих его за пределами Японии, возросло более чем в 32 раза, достигнув почти 4 млн чел., большая часть которых проживала в Китае (26,3%), Индонезии (21,9%) и Южной Корее (21,1%) [33, р. 312].

Японский фонд поддерживает научные исследования Японии за рубежом, в том числе и в России, выплачивает стипендии учёным-японоведам, оплачивает поездки на конференции. В январе 1994 г. была создана российская Ассоциация японоведов.

Важное значение придаётся организации международных обменов. Наиболее интенсивно они развиваются с азиатскими странами. 2008 г. был объявлен Годом дружеских контактов между молодёжью Японии и Китая [3], однако из-за территориального спора 2012 г. 27 из 163 запланированных Японским фондом мероприятий, направленных на развитие сотрудничества с КНР, по предложению китайской стороны свернули или перенесли [19, с. 140].

С момента «открытия» миру в XIX в. Япония привлекала иностранцев своей экзотической традиционной культурой. В последнее время наряду

с традиционными феноменами (театры но и кабуки, боевые искусства, икебана и т.п.) стала популяризироваться современная массовая культура страны.

По словам бывшего министра иностранных дел Японии Таро Асо, «мир становится всё более демократичным. То есть общественное мнение сейчас оказывает гораздо большее влияние на дипломатию, чем раньше... И именно поэтому мы хотим, чтобы поп-культура, которая так эффективно проникает в широкую аудиторию, была нашим союзником в дипломатии» [21].

Для пропаганды японского образа жизни среди молодёжи других стран был инициирован проект «Cool Japan». В 2004 г. в структуре Японского фонда начал работу Совет по содействию культурной дипломатии во главе с профессором Тамоцу Аоки, а в 2007 г. была учреждена Международная премия манги.

С целью капитализации японской поп-культуры в июне 2010 г. при Министерстве экономики, торговли и промышленности (МЭП) создали Отдел по продвижению творческих индустрий [24, р. 386]. Широкое распространение продукции японской поп-индустрии по всему миру приносит значительную экономическую прибыль. С 2002 по 2007 г. рынок японских комиксов, переведённых на английский язык, вырос на 350%, достигнув 210 млн долл. [24, р. 383].

В соседних с Японией азиатских странах также есть поклонники аниме, манги и т.п. Эти увлечения распространены преимущественно в молодёжной среде. До 1998 г. в Южной Корее прокат японских фильмов и распространение японской популярной музыки запрещались, однако желающие могли смотреть и слушать их через интернет или по спутниковому телевидению. Интерес к японской поп-культуре сохраняется и в периоды ухудшения отношений между странами на официальном уровне. Когда осенью 2012 г. в Китае сжигали чучело премьер-министра Японии и её флаг, «тут же на прилавках магазинов лежали японские комиксы... а сериалы с популярными японскими актёрами не сходили с мониторов студенческих компьютеров» [19, с. 136].

Таким образом, внешняя культурная политика Токио представляет собой детально проработанную, последовательную, долгосрочную программу, направленную на усиление культурного влияния Японии в АТР и мире в целом. У страны имеется богатый опыт в сфере продвижения своей культуры и создания своего положительного имиджа в прошлом и есть большие достижения в настоящем.

В соответствии с рейтингом NBI (The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index), в 2016 г. Япония вошла в первую десятку самых привлекательных стран мира, заняв 7-е место после США, Германии, Великобритании, Канады, Франции, Италии [7].

Согласно Отчёту Восточного экономического форума (ВЭФ) о конкурентоспособности в сфере туризма, в 2015 г. Япония заняла 9-е место

в мире среди 141 страны и 2-е место в АТР по индексу туристической конкурентоспособности (ТТСИ). Больше всего приезжающих в Японию привлекают её «уникальное культурное наследие» (2-е место в мире) и «богатые культурные ресурсы» (6-е место в мире) [40, р. 15]. Однако очевидные успехи во внешней культурной политике не исключают наличия некоторых проблем. В первую очередь это касается сложных отношений государства с его ближайшими соседями — Южной Кореей и Китаем, — обусловленных как взаимными обидами в прошлом, так и территориальными спорами в настоящем². Если в 2006 г. негативное отношение к японцам проявляли 70% опрошенных китайцев, то в 2016 г. их число достигло 81% [38].

Как и в Японии, высшее руководство КНР с момента её создания придавало огромное значение культурному фактору в общественной жизни. Мао Цзэдун, в целом признавая марксистскую идею о приоритете экономического базиса, предлагал строить китайский социализм в соответствии с моделью «три в одном», включающей в себя политику, экономику и культуру.

Премьер Госсовета КНР Чжоу Энлай в своём выступлении на II Китайской дипломатической конференции в 1956 г. выделил три аспекта дипломатии (политический, экономический и культурный) и призвал китайских послов за рубежом уделять больше внимания наряду с торговлей культурному обмену [42, с. 394].

В 1980-е гг. в результате научных дискуссий, инициированных Дэн Сяопином, была разработана концепция «совокупной национальной мощи» (综合国 — *цзунхэ голи*), включающая политическую, экономическую, военную и культурную силы.

Согласно Конфуцию, «духовная культура» (文 — *вэнь*) является одним из моральных достоинств благородного мужа (*цзюньцзы*), это то, что человек приобретает в процессе обучения. Для Конфуция *вэнь* имеет сакральный смысл: в момент, когда человеку угрожает смертельная опасность, он уповает на её магическую силу [11, с. 19].

Конфуцианское понимание культуры популярно и в современном Китае. По словам генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао, культура — «пульс нации и духовный очаг народа» [5, с. 19].

«Большая китайская энциклопедия» определяет культуру как «творческие достижения человечества, созданные в процессе социальной практики» [44, с. 924].

² Китайцы не могут простить японцам преступления, совершённые ими во время интервенции в Маньчжурии (1931—1932 гг.) и Японо-китайской войны (1937—1945 гг.), а корейцы — своё колониальное прошлое (1910—1945 гг.). В настоящее время Токио и Пекин соперничают из-за о. Дяоюйдао (Сенкаку), а Южная Корея отстаивает свой суверенитет над о. Докто (Такэсита), на который претендует и Япония.

Современный китайский исследователь Чжао Хунвэй противопоставляет культуру как «продукт духовной деятельности человека» цивилизации и считает, что «цивилизация фундаментальна и универсальна, культура — специфична, индивидуальна и исторична» [18, с. 7].

Однако мнение о культуре как преимущественно духовном феномене не является общепринятым в Китае. О необоснованном противопоставлении экономики и культуры свидетельствует ставшее популярным понятие «культурные/творческие индустрии». Неслучайно в китайском политическом лексиконе начали использоваться такие словосочетания, как «дело культуры» (文化事业 — *вэньхуа шие*), «индустрия культуры» (文化产业 — *вэньхуа чанье*), «культурные производительные силы» (文化生产力 — *вэньхуа шэньчаньли*).

Выступая на XVIII съезде КПК, Ху Цзиньтао заявил о необходимости «...более широким шагом выводить китайскую культуру за рубеж, а в итоге закладывать более прочный фундамент для создания социалистической культурной державы» [5, с. 16].

Главным инструментом продвижения китайской культуры в мире стали Институты Конфуция (ИК). Первый ИК был открыт в Сеуле в 2004 г., в 2008 г. их уже насчитывалось 238 [42, с. 395]. В настоящее время в среднем каждые шесть дней где-нибудь в мире создаётся новый ИК. К концу 2014 г. в 126 странах имелось 475 ИК и 851 Класс Конфуция (КК) [22, р. 390], а к концу 2015 г. — 500 и 1000 соответственно [17, с. 8]. В России открыто более 20 ИК и КК.

Институты Конфуция, как правило, организованы как совместные предприятия с международными партнёрами под эгидой Министерства образования КНР, что предполагает их общее финансирование. Так, в 2014 г. Китай потратил на ИК и КК около 295 млн долл., а иностранные партнёры внесли 443 млн долл. [31]. В 2015 г. расходы КНР на ИК составили 186 млн долл. (1183 млн юаней) [17, с. 11].

С 2011 г. также стали создаваться Китайские культурные центры (ККЦ), находящиеся исключительно в ведении Министерства культуры КНР. По его данным, Пекин к концу 2014 г. выделил около 1,33 млрд юаней (214 млн долл.) для создания ККЦ за рубежом и планировал добавить ещё 360 млн юаней для их развития в 2015 г. (на 181% больше по сравнению с 2014 г.). К концу 2014 г. было создано 20 ККЦ, а в 2015 г. они открылись в Брюсселе и Сингапуре. К 2020 г. Китай планирует иметь 50 ККЦ, сосредоточив своё внимание на странах вдоль Шёлкового пути [31].

В 1980-е гг. при Министерстве образования КНР была создана Комиссия по государственным стажировкам для иностранных студентов. Финансированием некоторых научных программ иностранных исследователей занимается и Центр зарубежного китаеведения, созданный в 1996 г. на базе Пекинского университета иностранных языков. В 2015 г. в Китай было привлечено 112 докторантов из 37 стран, что на 50% превысило цифры 2014 г. [17, с. 9].

Большое внимание правительство КНР уделяет организации культурных и молодёжных обменов. 2007 г. был назван Годом обменов между Китаем и Республикой Корея. Пекин объявил, что с начала 2006 г. ежегодно будет приглашать для посещения КНР на 100 молодых южных корейцев больше [16]. Успешно осуществляются молодёжные обмены Китая с Россией, в среднем они составляют 1 млн чел. в год.

Важнейшим направлением внешней политики Пекина начиная с 1950-х гг. стали развивающиеся страны. Китай не только оказывает им гуманитарную помощь, но и реализует культурные проекты. Выступая с речью во время своего посещения ИК в Технологическом институте в Дурбане (ЮАР) в апреле 2017 г. вице-премьер Госсовета КНР Лю Яньдун заявила, что «Институты Конфуция служат „мостом радуги“, соединяющим сердца двух народов — Китая и Южной Африки». Примечательно, что развлекательная программа, подготовленная студентами по случаю визита политика, включала южно-африканские и китайские танцы, а также чтение отрывков из «Лунь Юй» и автобиографии Нельсона Манделы [27].

Активная внешняя культурная политика КНР в различных регионах мира нередко приводит к обвинению страны в «культурном империализме». В июне 2014 г. Комитет по академической свободе Американской ассоциации профессоров университетов (AAUP) подготовил отчёт, в котором утверждалось, что «Институты Конфуция действуют как оружие китайского государства и позволяют игнорировать академические свободы» [34, р. 1—2].

Американский антрополог М. Салинс видит проблему также в том, что из-за роста количества китайских студентов в Америке³ «прямо или косвенно, но всё в большей степени высшие учебные заведения США зависят от китайских денег» [36].

Мнения об угрозе, исходящей от ИК, иногда высказываются и в России. В 2010 г. якутское управление ФСБ добилось закрытия такого института на основании обвинения в том, что его цель — «содействовать проникновению китайской идеологии и экономической экспансии на территорию России», а в 2015 г. прокуратура Благовещенска потребовала признать ИК при Благовещенском государственном педагогическом университете (БГПУ) иностранным агентом [8].

По мнению С.А. Подъяпольского, приграничное сотрудничество с Китаем не только открывает большие возможности для России, но и создаёт определённые риски: «Уже сегодня налицо более тесная связь Благовещенска с Хэйхэ, а Хабаровска — с Фуюанем, чем... с Читой или Иркутском» [15, с. 188]. На наш взгляд, опасение чужой «культурной экспансии» является не чем иным, как признанием слабости своей государственной культурной политики, причём не столько внешней, сколько внутренней.

³ Доля китайцев среди иностранных студентов в США составляет 32,5%. В 2016—2017 уч. г. в американских университетах обучалось 350 755 студентов из КНР [10].

Поэтому нельзя не согласиться с тем, что в данном случае «приоритетны не бездумные запреты и ограничения, а грамотные ответы, основанные на „умной силе“» [15, с. 190].

Российско-китайское культурное сотрудничество должно носить двусторонний взаимовыгодный характер, и такой опыт есть, например: перекрёстные годы — Год России в Китае (2006 г.) и Год Китая в России (2007 г.), Год русского языка в Китае (2009 г.) и Год китайского языка в России (2010 г.), Год туризма России в КНР (2012 г.) и Год туризма Китая в РФ (2013 г.); межкультурные проекты в провинции Хэйлунцзян [20] и др.

Согласно результатам исследования «The Pew Research Center», в 2013 г. положительный образ Китая фиксировался у 19 из 38 наций. Наиболее позитивное восприятие Китая было характерно для Пакистана, Малайзии, государств Африки и Латинской Америки, Индонезии и России. Самый отрицательный образ Китая сложился в Японии, Турции, Италии, Германии и США (рис. 1) [30].

Рост экономического и военного потенциала Китая вызывает беспокойство у его ближайших соседей. В 2013 г. 74% опрошенных японцев и 76% южнокорейцев видели в КНР угрозу, а 96% японцев и 91% южнокорейцев переживали из-за военной мощи страны [37].

По словам немецкого исследователя Ф. Хартига, «не имеет значения, сколько денег вы тратите и сколько культурных институтов вы создаёте: если слова не соответствуют действиям, усилия культурной дипломатии обречены на провал» [31].

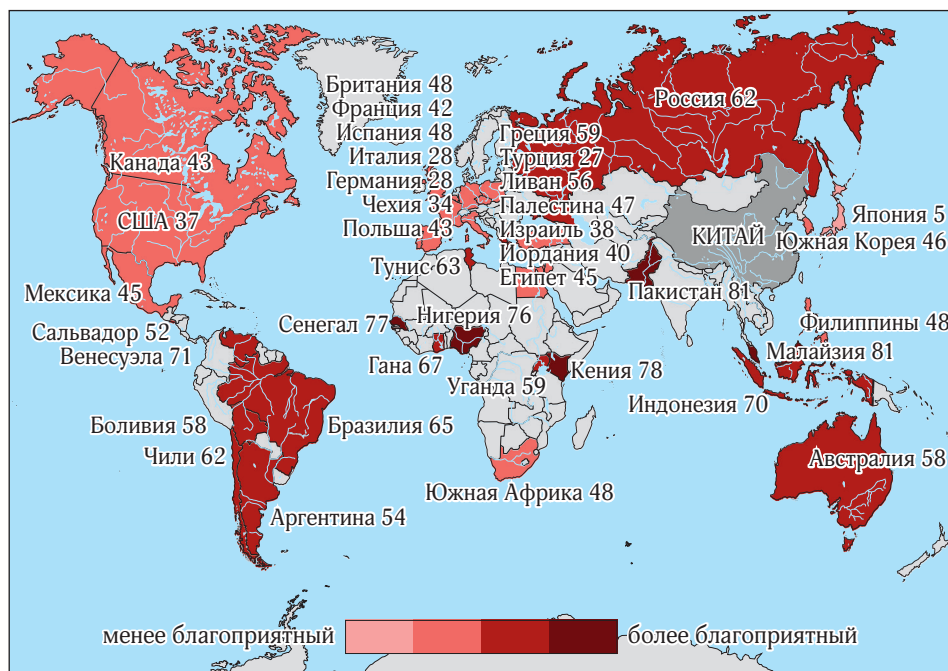

Рис. 1. Международный образ КНР в 2013 г., %

Несмотря на некоторое ухудшение имиджа КНР в ряде азиатских стран, нельзя не признать, что достижения последних десятилетий — саммит АТЭС в Шанхае в 2001 г., полёт первого китайского космонавта в октябре 2003 г., Олимпийские игры 2008 г., всемирная выставка «Экспо 2010» — безусловно, повысили престиж КНР в мире. «Китайские политические и экономические успехи на международной арене являются очевидными и вызывают как одобрение, так и страхи <...> Китай „виновен“ по разным причинам в разных частях мира. Азия беспокоится об экономическом и политическом росте Китая; Европа — главным образом о нарушении прав человека; США беспокоятся и о том, и о другом» [29, р. 103].

Согласно Отчёту ВЭФ, в 2015 г. Китай занял 17-е место в мире среди 141 страны и 6-е место в АТР по индексу туристической конкурентоспособности. Наибольший интерес у туристов вызывают его «природные ресурсы» (3-е место в мире) и «культурные ресурсы» (4-е место в мире). В качестве слабой стороны Китая называется «международная открытость» (96-е место в мире). Несмотря на низкий показатель по данному критерию, число посетивших КНР в 2013 г. (более 55 млн чел.) значительно превысило количество побывавших в Японии (10 млн чел.) [40, р. 15, 120].

Следует отметить, что существующие в настоящее время системы оценки привлекательности стран основываются на различных критериях и показателях, поэтому их результаты могут не совпадать. «Единственный прямой способ проведения сравнения государств, — по словам представителей исследовательской организации RAND Corporation, — это задать вопрос: Где бы Вы хотели жить, кроме Вашей страны?» [41, р. XI]. Удивительно, но китайцы поняли эту истину почти 2,5 тыс. лет тому назад. «Надо, чтобы жизнь в стране была такой, чтоб люди не стремились страну покинуть», — говорится в древнем трактате «Дао-Дэ-Цзин» [4, с. 45].

Нельзя сказать, что руководство КНР не интересуется имидж Китая в мире, но всё же более приоритетным для него является решение внутренних задач, среди которых: «повышение творческой энергии всей нации в области культуры», «обеспечение народу здоровой и разнообразной духовной и культурной жизни» и др. [5, с. 19—20]. Китайские власти, продолжая и дальше «твёрдо проводить основную государственную политику открытости миру», намерены «стимулировать социальную гармонию и мирный труд. Обеспечивать народу спокойную жизнь, обществу — стабильность и порядок, а стране — длительное спокойствие» [5, с. 15].

Следовательно, особенность китайской интерпретации концепции «мягкой силы» заключается в том, что она рассматривается как инструмент «консолидации внутреннего единства, содействия легитимности режима, создания „гармоничного общества“ и противодействия интервенции иностранной культуры» [14].

Итак, внешняя культурная политика Японии и Китая на современном этапе развития рассматривается руководством обеих стран как

важнейшая сфера государственной деятельности, находится под строгим контролем государства и включает в себя следующие направления:

- 1) распространение национального языка и образования за рубежом;
- 2) реализацию культурных проектов («Мост китайского языка», фестивали японской культуры, «Cool Japan» и др.);
- 3) молодёжные, научные и художественные обмены;
- 4) широкое информирование иностранной аудитории о важнейших событиях в стране и её достижениях («Public Relations»); основная целевая аудитория — молодёжь, деятели науки и культуры, работники медиа-сферы;
- 5) содействие развитию и финансовую поддержку за рубежом японистики и синологии соответственно;
- 6) оказание гуманитарной помощи развивающимся странам.

Несмотря на сходство, можно выделить и некоторые особенности стратегий внешней культурной политики Японии и Китая.

Внешняя культурная политика КНР основывается на идее культуры как ключевом факторе духовного, социально-экономического и политического развития страны и важнейшем компоненте «совокупной национальной мощи». Национальная (преимущественно традиционная) культура рассматривается как инструмент сохранения культурной идентичности в условиях глобализации.

Внешняя культурная политика Китая является логичным продолжением его внутренней культурной политики. Обе они направлены на достижение единой цели — строительства «социалистической культурной державы» — и включают в себя целый комплекс мероприятий, способствующих повышению образованности и нравственному, патриотическому воспитанию народа, созданию системы наследования и распространения китайской традиционной культуры, повышению её конкурентоспособности в мире.

В стратегии внешней культурной политики Японии, на наш взгляд, доминирует материалистический, утилитарный подход, направленный на получение экономической прибыли от продажи своей культурной продукции. Повышение культурного влияния страны в азиатском регионе и в мире в целом также рассматривается как приоритетная цель.

В отличие от КНР, продолжающей знакомить мир с наследием китайской традиционной культуры (искусство каллиграфии, пекинская опера и т.п.), Япония в последние десятилетия делает акцент на популяризацию за рубежом своей современной массовой культуры. Однако следует учитывать, что последняя в большей степени популярна среди молодёжи, поэтому степень её влияния ограничена. Более того, одна и та же культурная продукция может вызывать у одной возрастной группы населения симпатию, а у других — раздражение.

С одной стороны, широкое распространение японской поп-культуры способствует улучшению имиджа страны и возникновению интереса

к её языку и искусству. С другой стороны, не стоит преувеличивать культурную значимость таких проектов, как «Cool Japan», который, на наш взгляд, не столько знакомит поклонников аниме, манги и т.п., проживающих в разных странах мира, с аутентичной японской культурой, сколько предлагает некую причудливую смесь продуктов глобальной культуры потребления.

Нам представляется спорным утверждение о том, что основными целями внешней культурной политики являются «формирование позитивного внешнеполитического образа» страны и «продвижение национальной культуры и языка за рубежом» [2, с. 182]. Основную цель как внутренней, так и внешней культурной политики мы видим в сохранении национально-культурной идентичности, а это возможно лишь при условии сохранения своей культуры и её важнейших элементов — национального языка и системы ценностей. Успешная внешняя культурная политика государства возможна только при наличии у него сильной внутренней культурной политики. Кроме того, эффективность внешней культурной политики не всегда измеряется её масштабом и объёмом потраченных финансов. В данном случае необходима более комплексная оценка. Положительный или отрицательный результат внешней культурной политики может проявиться только в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Американский финансист Джим Роджерс: Пора понять, что XXI век станет веком Китая. URL: <https://russian.rt.com/article/91895> (дата обращения: 02.12.2018).
2. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. К вопросу о культурных связях в современной культурной ситуации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 181—185.
3. Вэнь Цзябао и Синдзо Абэ совместно присутствовали на церемонии открытия Года культурно-физкультурных обменов между Китаем и Японией. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/5611738.html> (дата обращения: 03.09.2018).
4. Дао-Дэ-Цзин / под ред. В.В. Антонова. Одесса: New Atlanteans, 2008. 60 с.
5. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде Коммунистической Партии Китая. 27 с. URL: <http://ua.china-embassy.org/rus/xwdt/P020121228789374643581.pdf> (дата обращения: 03.09.2018).
6. Железняк О.Н. «Вхождение во внешний мир» (Деятельность Японского фонда и его представительств за рубежом) // Япония 1999—2000. Ежегодник. М.: МАКС Пресс, 2000. С. 180—191.
7. Индекс национальных брендов Anholt-GfK 2016. URL: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/indeks-nacionalnykh-brendov-anholt-gfk-2016/> (дата обращения: 07.12.2018).
8. Институт Конфуция переводят в иностранные агенты // Коммерсант. 2015. № 133 (5643). URL: <http://kommersant.ru/doc/2777293> (дата обращения: 05.12.2017).

9. Катасонова Е.Л. Япония: вызов западной цивилизации? // Япония: мифы и реальность. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 179—202.
10. Китай восемь лет подряд остаётся крупнейшим источником зарубежных студентов для США. URL: <https://news.rambler.ru/usa/38418656-kitay-vosem-let-podryad-ostaetsya-krupneyshim-istochnikom-zarubezhnyh-studentov-dlya-ssha> (дата обращения: 02.12.2018).
11. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы Шу») / пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева и др. М.: Восточная литература, 2004. 431 с.
12. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/224550 (дата обращения: 05.10.2018).
13. Перспективы развития мировой экономики: неравномерный рост — краткосрочные и долгосрочные факторы. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2015/01/pdf/texttr.pdf> (дата обращения: 05.09.2018).
14. Песцов С.К., Бобыло А.М., Рустамова Л.Р., Козлов Л.Е., Черепанов М.С., Бояркина А.А., Лыков К.Ф., Першина М.П. «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. 192 с.
15. Подъяпольский С.А. «Умная сила» Китая: перспективы и риски для России // Дискурс Пи. 2014. Т. 11. № 4. С. 187—192.
16. Совместное китайско-южнокорейское коммюнике. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/206271.htm> (дата обращения: 05.12.2018).
17. Сюй Линь. Отчёт о работе Штаба Института Конфуция за 2015 г. // Институт Конфуция. 2016. Вып. 34. № 1. С. 7—11.
18. Чжао Х. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007. 44 с.
19. Чугров С.В. «Мягкая сила» Японии: китайское направление // Япония в поисках новой глобальной роли. М.: Восточная литература, 2014. С. 127—144.
20. Шуфан Я., Абрамова Н.А. Культурные ресурсы провинции Хэйлунцзян в процессе соразвития с Россией // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2013. С. 151—155.
21. A New Look at Cultural Diplomacy: A Call to Japan's Cultural Practitioners Speech by Minister for Foreign Affairs Taro Aso at Digital Hollywood University / Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0604-2.html> (дата обращения: 05.11.2018).
22. Albrow R. The Disjunction of Image and Word in US and Chinese Soft Power Projection // International Journal of Cultural Policy. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 382—399.
23. Bergsten C.F., Freeman C., Lardy N.R., Mitchell D.J. China's Rise: Challenges and Opportunities. Washington: Peterson Institute for International Economics: Center for Strategic and International Studies, 2008. 288 p.
24. Brienza C. Did Manga Conquer America? Implications for the Cultural Policy of 'Cool Japan' // International Journal of Cultural Policy. 2014. Vol. 20. No. 4. P. 383—398.
25. China and Japan at Odds: Deciphering the Perpetual Conflict / ed. by J.C. Hsiung. New York, 2007. 234 p.
26. China Third Most Popular Country for International Students. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-11/17/content_22478086.htm (дата обращения: 20.11.2018).
27. Confucius Institute Serves as "Rainbow Bridge" Connecting Hearts: Vice Premier. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/0427/c90000-9208524.html> (дата обращения: 02.11.2018).

28. Cultural Exchange / Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/culture/exchange/index.html> (дата обращения: 05.11.2018).
29. d'Hooghe I. Public Diplomacy in the People's Republic of China // *The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations*. New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 88—103.
30. Global Image of the United States and China. URL: <http://www.pewglobal.org/2013/07/18/global-image-of-the-united-states-and-china/> (дата обращения: 05.12.2018).
31. Hartig F. China Thinks that More is More. URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/china-thinks-more-more> (дата обращения: 05.12.2018).
32. Japan's Foreign Policy that Takes a Panoramic Perspective of the World Map // *Diplomatic Bluebook 2015*. Ch. 2. 172 p. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000106464.pdf> (дата обращения: 05.11.2018).
33. Japan's Foreign Policy to Promote National and Worldwide Interests // *Diplomatic Bluebook 2015*. Ch. 3. 316 p. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000106463.pdf> (дата обращения: 05.11.2018).
34. On Partnerships with Foreign Governments: The Case of Confucius Institutes: The Report of the Association's Committee A on Academic Freedom and Tenure. URL: https://www.aaup.org/file/Confucius_Institutes_0.pdf (дата обращения: 05.12.2017).
35. Reishauer E.O. Japan: Past and Present. URL: <https://ia601602.us.archive.org/20/items/in.ernet.dli.2015.226232/2015.226232.Japan-Past.pdf> (дата обращения: 20.12.2018).
36. Sahlins M. China U // *The Nation*. 30 oct. 2013. URL: <https://www.thenation.com/article/china-u/> (дата обращения: 05.12.2017).
37. Stokes B. Asia's View of China — Mostly Wary, but Japan Most of All. URL: <http://www.pewglobal.org/2013/08/05/asias-view-of-china-mostly-wary-but-japan-most-of-all/> (дата обращения: 02.11.2018).
38. Stokes B. Hostile Neighbors: China vs. Japan. URL: <http://www.pewglobal.org/2016/09/13/hostile-neighbors-china-vs-japan/> (дата обращения: 30.10.2018).
39. The Japan Foundation. 2015/2016. Annual Report. 38 p. URL: <https://www.jpf.go.jp/e/about/result/ar/2015/pdf/dl/ar2015e.pdf> (дата обращения: 05.11.2018).
40. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2015. 509 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/TT15/WEF_Global_Travel&Tourism_Report_2015.pdf (дата обращения: 07.12.2018).
41. Trevorton G., Jones S. Measuring National Power / Rand Corporation, 2005. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf (дата обращения: 02.12.2018).
42. Zhang W. China's Cultural Future: from Soft Power to Comprehensive National Power // *International Journal of Cultural Policy*. 2010. Vol. 16. No. 4. P. 383—402.
43. 中国大百科全书. 政治 = Большая китайская энциклопедия. Политика. Пекин: 书出版社中国大百科全书出版, 1992. 667 с.
44. 中国大百科全书. 哲学 = Большая китайская энциклопедия. Философия. Пекин: 书出版社中国大百科全书出版, 1992. 950 с.
45. 新村出. 広辞苑 = Ниимура Идзуру. Толковый словарь японского языка. 3-е изд. Токио: 岩波書店, 1986. 2669 с.
46. 大日本大辞典刊行会 日本国語大辞典 = Большой словарь японского языка / Публикационное общество Большого словаря японского языка. Токио: 小学館, 1976. Т. 11. 716 с.
47. 福島安紀子. 知的インフラとしての日露文化交流: その時間軸と空間軸 — 第6回 日露フォーラム報告書 = Фукусима Акико. Японо-российский культурный обмен как интеллектуальная инфраструктура: в координатах времени и пространства // Отчёт о шестом японо-российском форуме. Токио: 国際交流基, 2009. С. 98—105.

REFERENCES

1. *Amerikanskiy finansist Dzhim Rodzhers: Pora ponyat', chto XXI vek stanet vekom Kitaya* [American Financial Expert Jim Rodgers: It Is Time to Realize That the 21st Century Is Going to Become the Chinese Era]. Available at: <https://russian.rt.com/article/91895> (accessed 02.12.2018). (In Russ.)
2. Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. K voprosu o kul'turnykh svyazyakh v sovremennoy kul'turnoy situatsii [On the Question of Cultural Relations in Contemporary Cultural Situation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2011, no. 3, pp. 181–185. (In Russ.)
3. *Ven' Tsyabao i Sindzo Abe sovместно prisutstvovali na tseremonii otkrytiya Goda kul'turno-fizkul'turnykh obmenov mezhdru Kitaem i Yaponiey* [Wen Jiabao and Shinzo Abe Jointly Attended the Opening Ceremony of the Year of Cultural and Sports Exchanges between China and Japan]. Available at: <http://russian.people.com.cn/31520/5611738.html> (accessed 03.09.2018). (In Russ.)
4. *Dao-De-Tszin* [Dao-Deh-Czin]. Ed. by V.V. Antonov, Odessa, New Atlanteans Publ., 2008, 60 p. (In Russ.)
5. *Doklad Khu Tszin'tao na XVIII s'ezde Kommunisticheskoy Partii Kitaya* [The Report of Hu Czin'tao at the 18th Session of the Communist Party of China]. 27 p. Available at: <http://ua.china-embassy.org/rus/xwtd/P020121228789374643581.pdf> (accessed 03.09.2018). (In Russ.)
6. Zheleznyak O.N. "Vkhozhdenie vo vneshniy mir" (Deyatel'nost' Yaponskogo fonda i ego predstavitel'stv za rubezhom) [The Entry to the Outside World (Activities of the Japanese Foundation and Its Representative Offices Abroad)]. *Yaponiya 1999–2000. Ezhegodnik* [Japan 1999–2000. Yearbook]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2000, pp. 180–191. (In Russ.)
7. *Indeks natsional'nykh brendov Anholt-GFK 2016* [National Brand Index. Anholt-GFK 2016]. Available at: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/indeks-natsionalnykh-brendov-anholt-gfk-2016/> (accessed 07.12.2018). (In Russ.)
8. Institut Konfutsiya perevodyat v inostrannye agenty [Confucius Institute Must Perceive as an Agent]. *Kommersant*, 2015, no. 133 (5643). Available at: <http://kommersant.ru/doc/2777293> (accessed 05.12.2017). (In Russ.)
9. Katasonova E.L. Yaponiya: vyzov zapadnoy tsivilizatsii? [Japan: The Challenge to Western Civilization?]. *Yaponiya: mify i real'nost'* [Japan: Myths and Reality]. Moscow, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN Publ., 1999, pp. 179–202. (In Russ.)
10. *Kitay vosem' let podryad ostaetsya krupneyshim istochnikom zarubezhnykh studentov dlya SShA* [China Has Been the Biggest Source of Foreign Students for the US for Eight Years]. Available at: <https://news.rambler.ru/usa/38418656-kitay-vosem-let-podryad-ostaetsya-krupneyshim-istochnikom-zarubezhnykh-studentov-dlya-ssha> (accessed 02.12.2018). (In Russ.)
11. *Konfutsianskoe "Chetveroknizhie" ("Sy Shu")* [The Four Books ("Sy Shu")]. Transl. and comment. by A.I. Kobzev and others. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2004, 431 p. (In Russ.)
12. *Osnovnye napravleniya politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva* [The Main Policy Directions of the Russian Federation in the Sphere of International Cultural and Humanitarian Cooperation]. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/224550 (accessed 05.10.2018). (In Russ.)
13. *Perspektivy razvitiya mirovoy ekonomiki: neravnomernyy rost – kratkosrochnnye i dolgosrochnnye faktory* [The Development Prospects of World Economy: Uneven

- Growth — Short-Term and Long-Term Factors]. Available at: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2015/01/pdf/texttr.pdf> (accessed 05.09.2018). (In Russ.)
14. Pestsov S.K., Bobylo A.M., Rustamova L.R., Kozlov L.E., Cherepanov M.S., Boyarkina A.A., Lykov K.F., Pershina M.P. *“Myagkaya sila” v aziatsko-tikhookeanskom regional’nom kontekste. Teoreticheskaya adaptatsiya i natsional’nye praktiki* [“Soft Power” in the Asia-Pacific Regional Context. Theoretical Adaptation and National Practices]. Vladivostok, Dal’nevost. federal. un-t Publ., 2016, 192 p. (In Russ.)
 15. Pod’yapol’skiy S.A. “Umnaya sila” Kitaya: perspektivy i riski dlya Rossii [China’s “Smart Power”: Prospects and Risks for Russia]. *Diskurs Pi*, 2014, vol. 11, no. 4, pp. 187–192. (In Russ.)
 16. *Sovmestnoe kitaysko-yuzhnokoreyskoe kommyunike* [Joint Chinese-South Korean Communique]. Available at: <http://russian.china.org.cn/russian/206271.htm> (accessed 05.12.2017). (In Russ.)
 17. Syuy Lin’. Otchet o rabote Shtaba Instituta Konfutsiya za 2015 g. [Report on the Work of the Headquarters of the Confucius Institute in 2015]. *Institut Konfutsiya*, 2016, iss. 34, no. 1, pp. 7–11. (In Russ.)
 18. Chzhao Kh. *Kitayskaya diplomatiya v kontekste protsessov vzaimovliyaniya i soper-nichestva v Vostochnoy Azii* [Chinese Diplomacy in the Context of Mutual Influence and Rivalry in East Asia]. Moscow, MGIMO Publ., 2007, 44 p. (In Russ.)
 19. Chugrov S.V. “Myagkaya sila” Yaponii: kitayskoe napravlenie [“Soft Power” of Japan: Chinese Direction]. *Yaponiya v poiskakh novoy global’noy roli* [Japan in Search of a New Global Role]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2014, pp. 127–144. (In Russ.)
 20. Shufan Ya., Abramova N.A. Kul’turnye resursy provintsii Kheyluntszyan v protsesse sorazvitiya s Rossiei [Cultural Resources of Heilongjiang in the Process of Development with Russia]. *Aktual’nye problemy razvitiya KNR v protsesse ee regionalizatsii i globalizatsii: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Current Issues of the Development of the People’s Republic of China during Its Regionalization and Globalization: Proceedings of the Fifth International Applied Research Conference]. Chita, 2013, pp. 151–155. (In Russ.)
 21. *A New Look at Cultural Diplomacy: A Call to Japan’s Cultural Practitioners Speech by Minister for Foreign Affairs Taro Aso at Digital Hollywood University*. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: <http://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0604-2.html> (accessed 05.11.2018). (In Eng.)
 22. Albrow R. The Disjunction of Image and Word in US and Chinese Soft Power Projection. *International Journal of Cultural Policy*, 2015, vol. 21, no. 4, pp. 382–399. (In Eng.)
 23. Bergsten C.F., Freeman C., Lardy N.R., Mitchell D.J. *China’s Rise: Challenges and Opportunities*. Washington, Peterson Institute for International Economics and Center for Strategic and International Studies Publ., 2008, 288 p. (In Eng.)
 24. Brienza C. Did Manga Conquer America? Implications for the Cultural Policy of ‘Cool Japan’. *International Journal of Cultural Policy*, 2014, vol. 20, no. 4, pp. 383–398. (In Eng.)
 25. *China and Japan at Odds: Deciphering the Perpetual Conflict*. Ed. by J.C. Hsiung. New York, 2007, 234 p. (In Eng.)
 26. *China Third Most Popular Country for International Students*. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-11/17/content_22478086.htm (accessed 20.11.2018). (In Eng.)
 27. *Confucius Institute Serves as “Rainbow Bridge” Connecting Hearts: Vice Premier*. Available at: <http://en.people.cn/n3/2017/0427/c90000-9208524.html> (accessed 02.11.2018). (In Eng.)
 28. *Cultural Exchange*. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: <http://www.mofa.go.jp/policy/culture/exchange/index.html> (accessed 05.11.2018). (In Eng.)

29. d'Hooghe I. Public Diplomacy in the People's Republic of China. *The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2005, pp. 88—103. (In Eng.)
30. *Global Image of the United States and China*. Available at: <http://www.pewglobal.org/2013/07/18/global-image-of-the-united-states-and-china/> (accessed 05.12.2018). (In Eng.)
31. Hartig F. *China Thinks that More is More*. Available at: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/china-thinks-more-more> (accessed 05.12.2018). (In Eng.)
32. Japan's Foreign Policy that Takes a Panoramic Perspective of the World Map. *Diplomatic Bluebook 2015*, ch. 2, 172 p. Available at: <http://www.mofa.go.jp/files/000106464.pdf> (accessed 05.11.2018). (In Eng.)
33. Japan's Foreign Policy to Promote National and Worldwide Interests. *Diplomatic Bluebook 2015*, ch. 3, 316 p. Available at: <http://www.mofa.go.jp/files/000106463.pdf> (accessed 05.11.2018). (In Eng.)
34. *On Partnerships with Foreign Governments: The Case of Confucius Institutes*. The Report of the Association's Committee A on Academic Freedom and Tenure. Available at: https://www.aaup.org/file/Confucius_Institutes_0.pdf (accessed 05.12.2017). (In Eng.)
35. Reishauer E.O. *Japan: Past and Present*. Available at: <https://ia601602.us.archive.org/20/items/in.ernet.dli.2015.226232/2015.226232.Japan-Past.pdf> (accessed 20.12.2018). (In Eng.)
36. Sahlins M. China U. *The Nation*, 30 oct. 2013. Available at: <https://www.thenation.com/article/china-u/> (accessed 05.12.2017). (In Eng.)
37. Stokes B. *Asia's View of China — Mostly Wary, but Japan Most of All*. Available at: <http://www.pewglobal.org/2013/08/05/asias-view-of-china-mostly-wary-but-japan-most-of-all/> (accessed 02.11.2018). (In Eng.)
38. Stokes B. *Hostile Neighbors: China vs. Japan*. Available at: <http://www.pewglobal.org/2016/09/13/hostile-neighbors-china-vs-japan/> (accessed 30.10.2018). (In Eng.)
39. *The Japan Foundation. 2015/2016. Annual Report*. 38 p. Available at: <https://www.jpff.go.jp/e/about/result/ar/2015/pdf/dl/ar2015e.pdf> (accessed 05.11.2018). (In Eng.)
40. *The Travel & Tourism Competitiveness Report 2015*. 509 p. Available at: http://www3.weforum.org/docs/TT15/WEF_Global_Travel&Tourism_Report_2015.pdf (accessed 07.12.2018). (In Eng.)
41. Treverton G., Jones S. *Measuring National Power*. Rand Corporation, 2005. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf (accessed 02.12.2018). (In Eng.)
42. Zhang W. China's Cultural Future: from Soft Power to Comprehensive National Power. *International Journal of Cultural Policy*, 2010, vol. 16, no. 4, pp. 383—402. (In Eng.)
43. *中国大百科全书. 政治* [The Great Chinese Encyclopedia. Politics]. Beijing, 书出版社中国大百科全书出版社 Publ., 1992, 667 p. (In Chin.)
44. *中国大百科全书. 哲学* [The Great Chinese Encyclopedia. Philosophy]. Beijing, 书出版社中国大百科全书出版社 Publ., 1992, 950 p. (In Chin.)
45. 新村出. *広辞苑* [Niimura Idzuru. The Thesaurus of the Japanese Language. Third Edition]. Tokyo, 1986, 2669 p. (In Jap.)
46. *大日本大辞典刊行会 日本国語大辞典* [The Great Japanese Dictionary]. Association of the Great Japanese-language Dictionary. Tokyo, 小学館 Publ., 1976, vol. 11, 716 p. (In Jap.)
47. 福島安紀子. 知的インフラとしての日露文化交流: その時間軸と空間軸 [Fukushima Akiko. Russian-Japanese Cultural Exchange as an Intellectual Infrastructure in Time and Space]. 第6回日露フォーラム報告書 [The Report on the 6th Russian-Japanese Forum]. Tokyo, 国際交流基 Publ., 2009, pp. 98—105. (In Jap.)